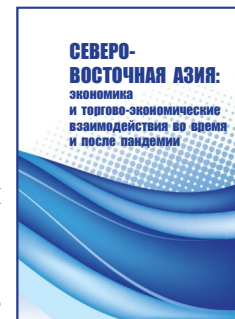




**Северо-Восточная Азия: экономика и торгово-экономические взаимодействия во время и после пандемии / отв. ред. П.А. Минакир; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. 175 с.
<http://ecrin.ru/publications/books-2021/1652-NEA-21>**

Рассмотрены экономические и социальные проблемы в странах СВА (Китае, Республике Корея, Японии, Монголии и КНДР), спровоцированные шоками, связанными с пандемией COVID-19. Проанализированы административные, карантинные, экономические меры, предпринимаемые правительствами стран СВА для ликвидации последствий коронакризиса, включая набор инструментов бюджетной, денежно-кредитной, финансовой и валютной политики. Приведены данные о масштабах государственных расходов по отношению к ВВП, где первое место занимает Япония, от которой значительно отстают Республика Корея и Китай, Монголия и КНДР. Рассмотрена динамика торговых взаимодействий. Приведены варианты прогнозов международных организаций относительно экономической динамики. Показано, что активные бюджетные расходы, направленные на борьбу с пандемией могут оказать кратко- и среднесрочное положительное воздействие на экономики стран СВА, но в долгосрочной перспективе будут способствовать дальнейшему росту государственного долга, снижая национальную норму сбережений, сдерживая динамику их экономического роста.





Демьяненко А.Н., Тотонова Е.Е., Украинский В.Н. Туризм на севере Канады: долгая история изучения // Известия Русского географического общества. 2021. Т. 153. № 3. С. 76–88.

<https://doi.org/10.31857/S0869607121030046>

Рассматривается эволюция взглядов на место туризма в экономическом и социальном развитии северных территорий Канады. Отмечается, что Север Канады в разные периоды истории определялся исходя из различных оснований; если первоначально доминировал подход с позиции единственного (физико-географического) фактора, то в дальнейшем возобладал подход, предложенный Л.-Э. Амленом и предполагающий комбинацию природных, социальных и культурных факторов. Другая отличительная черта современных представлений о южной границе Севера и границах внутри Севера Канады: они приобретают все более динамичный характер. Выделены и охарактеризованы основные этапы в развитии научных исследований канадского Севера. Зафиксирован постепенный переход от практически полного игнорирования исследователями туристической деятельности как фактора развития северной экономики к признанию туризма в качестве одного из драйверов экономического развития. Прослеживается коэволюция туризма и научных исследований на Севере Канады: туризм эволюционировал от «путешествия» в направлении туристической отрасли, а затем к туризму как социальному феномену, тогда как исследования туризма эволюционировали от изучения географии рекреационного потенциала к изучению индустрии туризма и, наконец, изучению туризма как социального феномена. Имеет место переход от исследования туризма в рамках отдельных субдисциплин (географии, экономики, социологии, культурологии, менеджмента) к проведению междисциплинарных исследований. Для современного этапа исследований туризма на Севере Канады характерна ориентация на запросы как местных сообществ, так и провинциальных и федеральных институтов в рамках системы стратегического community-based планирования туризма.



Дёмина О.В. Перспективы развития рынков первичных энергоресурсов стран АТР: потенциальная ниша для российских ресурсов // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 2. С. 31–53.
<https://doi.org/10.14530/reg.2021.2.31>

Проанализирована текущая ситуация на рынках нефти, природного газа и угля в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Показано, что потенциал наращивания доли российских энергоресурсов может быть обусловлен перераспределением долей основных поставщиков по мере диверсификации импорта нефти прежде всего Японии и Республики Корея; на рынке природного газа – наращиванием объемов трубопроводных поставок природного газа в Китай в соответствии с текущим долгосрочным контрактом и перераспределением доли Индонезии; на рынке угля – перераспределением доли Индонезии за счет преимуществ по качеству угля. Отмечены ценовые и инфраструктурные ограничения наращивания поставок российских энергоресурсов в АТР.



Дёмина Я.В. Внешняя торговля КНДР: влияние санкций // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 1. С. 5–28.

<https://doi.org/10.14530/reg.2021.1.5>

Статья содержит анализ динамики и структуры внешней торговли КНДР, а также оценку влияния международных санкций на развитие страны. В настоящее время в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН действуют санкции, предполагающие полный запрет на вывоз из страны основных экспортных товаров, ограничения на импорт нефтепродуктов и использование за рубежом северокорейской рабочей силы. Введение международных санкций и обострение отношений между Севером и Югом оказало значительный негативный эффект на внешнюю торговлю КНДР. До 2013 г. в целом наблюдался положительный тренд, однако, ужесточение санкций и нивелирование торговли с Республикой Корея привели к сжатию экспортно-импортных операций страны. Возможности восстановления внешнеэкономических отношений КНДР и развития сотрудничества с Россией тесно связаны с решением ядерной проблемы и отменой международных санкций.



Дёмина Я.В., Мазитова М.Г. Пандемия COVID-19 и ее влияние на экономику Японии // Японские исследования. 2021. № 3. С. 57–75.

<https://doi.org/10.24412/2500-2872-2021-3-57-75>

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47284449>

Статья содержит обзор ситуации с распространением COVID-19 в Японии и оценку влияния пандемии на экономику страны. По итогам 2020 г. ВВП Японии снизился на 4,7%. Принятие трех дополнительных бюджетов для финансирования пакетов антикризисных мер увеличило нагрузку на государственный бюджет. В итоге доля заимствований в годовых поступлениях составила 64,1%, что существенно превышает показатели 2009 г. (52,1%), когда в мире разразился финансовый кризис. Также выросла безработица (впервые за 11 лет), а в числе наиболее пострадавших от пандемии отраслей оказались автомобилестроение, туризм и общественное питание. Пандемия также отрицательно сказалась на функционировании цепочек поставок, снизив объёмы внешней торговли Японии в первой половине 2020 г. Однако ее динамика быстро продемонстрировала положительный тренд. Распространение коронавируса вызвало рост продаж в онлайн-торговле, а также спровоцировало «перестройку» национального рынка труда (в связи с введением противоэпидемиологических мер существенно увеличилась доля работающих дистанционно). В целом пандемия негативно сказалась на экономике и обществе Японии. Но правительство страны в каждом кризисе видит возможности. Так, ожидается, что одним из последствий пандемии станут структурные изменения в экономике, а местные фирмы будут больше инвестировать в цифровизацию и зелёные технологии.



Журавская Т.Н., Рыжова Н.П. Экономика качеств трансграничного рынка: шоп-туризм как перформативная практика // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 2. С. 200–223.

<https://doi.org/10.17323/1728-192x-2021-2-200-223>

В статье обсуждается перформативность шоп-туризма на российско-китайской границе в терминах экономики качеств М. Каллона и соавторов. Кризис 2014 г. нарушил паритет рубля и юаня, что изменило вектор приграничного туризма в противоположную сторону. Авторы показывают, как наблюдение жителями российского приграничного Благовещенска за покупками китайских туристов, сопоставление этого повседневного «здесь и сейчас» знания со знаниями, накопленными за время функционирования трансграничного локального рынка, перформатируют восприятие своего социального времени, отправляя его «в прошлое». Использование языка экономики качеств позволяет расширить применение этой концепции на другой тип рынка – рынок покупателя, а также позволяет задать вопрос о динамике власти вслед за утверждением о природе динамики рынка. Статья состоит из трех основных разделов: теоретического обзора использования концепции перформативности в исследованиях туризма и выборе языка описания для данного эмпирического случая; описания «китайского рынка» и практик торговли до кризиса 2014 г.; осмысления посткризисных изменений и процессов (пере)квалификации благ. Эмпирические материалы получены авторами в ходе длительных исследований в «городах-близнецах» Благовещенск и Хэйхэ, расположенных на двух берегах реки Амур, преимущественно посредством наблюдения и интервью.



Изотов Д.А. Внешние и внутренние барьеры в торговле регионов Дальнего Востока // Экономика региона. 2021. Т. 17. Вып. 4. С. 1318–1331.
<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-19>

В последнее время к Дальнему Востоку приковано пристальное внимание государственных органов власти и управления России. Одним из способов ускоренного развития экономики дальневосточных регионов как открытых экономических систем является расширение их торгово-экономических взаимодействий как с зарубежным, так и с отечественным рынками, что подразумевает снижение различного рода барьеров. Целью исследования является оценка внешних и внутренних барьеров в торговле регионов Дальнего Востока. Оценка данных барьеров предполагает формирование массива из непротиворечащих друг другу статистических данных и применение корректной модели для расчетов. В рамках современного подхода к расчетам гравитационных зависимостей на основе оценки барьеров в торговле, отражаемых в значениях сравнительной интенсивности торговли и сравнительных транспортных издержек, подтверждено отклонение торговли Дальнего Востока в пользу отечественного рынка в долгосрочном периоде. Выявлено, что в рамках торговых взаимодействий Дальнего Востока с отечественным рынком высокие значения сравнительных транспортных издержек компенсировались высокой сравнительной интенсивностью торговых взаимодействий. Показано, что при условии снижения внешних барьеров при взаимодействиях с зарубежными странами торговля Дальнего Востока с ними может заметно увеличиться. Полученные оценки позволили обнаружить складывающуюся за последнее десятилетие привязку регионов Дальнего Востока к российскому рынку с точки зрения снижения барьеров в форме транспортных издержек. Данное исследование может иметь дальнейшее развитие, поскольку использованная методика количественной оценки внешних и внутренних барьеров применима для анализа издержек торговли на уровне конкретных товарных рынков, декомпозиции барьеров, сдерживающих экспортные и импортные потоки товаров, а также для выявления потенциала расширения торговли регионов с зарубежными странами.



Изотов Д.А. Влияние торговых мегаформатов в АТР на российский экспорт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 41–55.
<https://doi.org/10.15838/esc.2021.1.73.4>

Целью исследования выступает количественная оценка косвенных эффектов для российского экспорта вследствие неучастия России в торговых мегаформатах АТР. Показано, что современные процессы торгово-экономического взаимодействия в АТР проявляются в создании торговых мегаформатов, из которых подписаны Всестороннее региональное экономическое партнерство и Всестороннее и прогрессивное соглашение Транстихоокеанского партнерства, а перспективные – расширение формата ВПТТП за счет США и создание зоны свободной торговли в рамках АТЭС. Доказывается, что отсутствие мотивации российской стороны в присоединении к торговым мегаформатам АТР объясняется невысоким уровнем тарифной нагрузки на российские сырьевые товары со стороны стран АТР, при этом не учитываются риски замещения товаров из России. В результате оценки косвенных эффектов было определено, что в случае российского неучастия в мегаформатах АТР, с одной стороны, может наблюдаться небольшое негативное влияние на экспорт из России, с другой – конкурентоспособность российской продукции на рынке субглобального региона может снизиться в рамках следующих товарных групп: продовольственная продукция, продукция химической промышленности, металлургии и машиностроения. Полученные оценки дают основание утверждать, что интеграционные процессы в АТР опосредованно будут способствовать ослаблению продуктовой диверсификации экспорта из России на рынке субглобального региона, смещая его в сторону монопродуктовой сырьевой специализации. Показано, что принципиальное значение для России будет иметь построение взаимоотношений торговых мегаформатов АТР с третьими странами в зависимости от их закрытой или открытой конфигурации. Создание закрытых торговых блоков в АТР может означать активное замещение продукции из России и снижение объемов российского экспорта на рынке АТР, в случае формирования открытых торговых блоков дискриминация по отношению к российским товарам не будет явно выраженной.



Изотов Д.А. Генезис политики экономических взаимодействий России со странами АТР: случай Дальнего Востока // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 2. С. 124–137.

<https://doi.org/10.31857/S013128120014753-9>

На основе обзора основных концепций развития экономики Дальнего Востока в случае ее взаимодействия с зарубежными рынками показаны направления интенсификации торгово-экономических взаимосвязей макрорегиона со странами АТР в условиях кооперации и интеграции России с субглобальной экономикой. Текущее расширение торговых взаимодействий Дальнего Востока России со странами АТР осуществляется в рамках концепции «ресурсного транзита» при сближении с экономикой КНР. Показаны возможности интенсификации экономических взаимосвязей Дальнего Востока России со странами АТР, а также ограничения подобного рода взаимодействий.



Изотов Д.А. Международная экономическая интеграция в условиях процессов глобализации и регионализации // Российский внешне-экономический вестник. 2021. № 5. С. 7–24.

<https://doi.org/10.24411/2072-8042-2021-5-7-24>

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46211125>

В современных условиях интеграционные процессы осуществляются в рамках «нелинейной» модели, а процессы глобализации и регионализации дополняют друг друга. При достижении предела в сокращении тарифных барьеров, расширение экономических взаимодействий осуществляется за счет заключения смешанных интеграционных форматов при снижении нетарифных барьеров и осуществлении преобразований во внутренней экономической политике. Гетерогенность экономик является одним из факторов, сдерживающих интеграционные процессы в мире, при этом механизмы ВТО имеют ключевое значение для сохранения уже достигнутого уровня торгово-экономической либерализации и урегулирования торговых споров.



**Изотов Д.А. Международная экономическая интеграция: теоретические подходы к объяснению механизмов и методика оценки эффектов // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 2. С. 14–30.
<https://doi.org/10.14530/reg.2021.2.14>**

В статье анализируются теоретические подходы к объяснению механизмов и методике оценки эффектов международной экономической интеграции. Определено, что в рамках «современного регионализма» механизмы интеграции объясняются главным образом эндогенными процессами, имеющие в своей основе, помимо экономических мотивов субъектов рынка, политические и институциональные ограничения, что подчеркивает их междисциплинарный характер. Показано, что в рамках «современного регионализма» общим направлением теоретических исследований является разработка оценки кумулятивных эффектов интеграции, которые носят многоаспектный характер и проявляются в долгосрочной перспективе, при этом распределительные эффекты интеграции не потеряли свою актуальность.



Изотов Д.А. Меры государственной поддержки экономики в странах Большой тройки Северо-Восточной Азии в период пандемии // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 3. С. 156–178.
<https://doi.org/10.14530/se.2021.3.156-178>

Оказавшись в эпицентре первоначального источника распространения коронавируса, страны Большой тройки Северо-Восточной Азии (КНР, Республика Корея и Япония) ввели незамедлительные административные меры по изоляции населения, что способствовало эффективному сдерживанию распространения на их территории COVID-19. Показано, что в данных странах в условиях изоляции наблюдалось сокращение экономики в первом полугодии 2020 г. Последующая динамика прироста ВВП стран Большой тройки Северо-Восточной Азии указала на структурные различия между ними. В условиях сокращения экономик в период пандемии правительства стран Большой тройки Северо-Восточной Азии применяют стимулирующие меры экономической политики, причем самыми масштабными государственными расходами по отношению к ВВП характеризуется Япония, от которой значительно отстают Республика Корея и Китай. Выявлено, что в КНР поддержка экономики акцентируется на мерах бюджетной политики, в Республике Корея – на мерах денежно-кредитной политики, в Японии – на комплексном сочетании различных мер. В условиях снижения распространения коронавируса среднесрочные оценки указывают на то, что данным странам Северо-Восточной Азии удастся сохранить положительные темпы роста экономик в условиях поддержки внедрения «зеленых» технологий и цифровизации, в том числе за счет антикризисных мер. Несмотря на то, что подобного рода меры могут оказать кратко- и среднесрочное положительное воздействие на экономики стран Большой тройки Северо-Восточной Азии, активные бюджетные расходы, направленные на борьбу с пандемией в данных странах, будут способствовать дальнейшему росту государственного долга, снижая национальную норму сбережений, сдерживая динамику их экономического роста в долгосрочной перспективе.



Изотов Д.А. Периферийные экономики Северо-Восточной Азии в период пандемии COVID-19: Монголия и КНДР // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 6. С. 85–100.

<https://doi.org/10.14530/reg.2021.6.85>

Цель исследования состоит в определении мер государственной политики Монголии и Корейской Народно-Демократической Республики по поддержке экономики в условиях сдерживания новой коронавирусной инфекции (COVID-19), а также в выявлении факторов, определяющих кратко- и среднесрочные перспективы их экономического роста. Показано, что данные страны демонстрировали низкий уровень распространения COVID-19, достигнутый диаметрально противоположными мерами. Установлено, что Монголия реализует один из самых масштабных пакетов мер экономической поддержки, а КНДР осуществляет меры по огосударствлению экономики и косвенному налогообложению доходов населения. Определено, что основным фактором восстановления экономики данных государств является расширение торговых взаимодействий с Китаем.



**Изотов Д.А. Торговая интеграция в АТР: декомпозиция эффектов //
Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 1. С. 66–96.
<https://doi.org/10.14530/se.2021.1.066-096>**

В статье на основе данных международной статистики произведена сравнительная оценка эффектов интеграции в рамках АТР, Западной и Восточной макрзоны АТР с точки зрения вклада процессов глобализации и регионализации за 1994–2018 гг. за счет заключения торговых соглашений и их расширения. Полученная оценка эффектов интеграции указала на большой вклад процесса глобализации в наращивание торговли в АТР, особенно для стран Восточной макрзоны. Выявлено, что в Восточной макрзоне воздействие заключенных в прошлом торговых соглашений сдерживало позитивные эффекты интеграции. Обнаружены принципиальные различия в эффектах от расширения торговых соглашений: для стран-экспортеров процесс глобализации превалировал над регионализацией исключительно для стран Восточной макрзоны; для стран-импортеров влияние процесса регионализации было сильнее, чем для стран-экспортеров, указывая на проявление эффекта отклонения торговли в Восточной макрзоне. Полученные оценки дают основание утверждать, что за 1994–2018 гг. процесс глобализации как в АТР в целом, так в Западной макрзоне являлся необходимым условием для расширения торговли, а регионализация играла важную вспомогательную роль. Для Восточной макрзоны положительные эффекты от глобализации компенсировали неоднозначное влияние регионализации, чем, возможно, определяются неуспешные попытки создания торговых мегаформатов в рамках данной макрзоны. При этом страны Восточной макрзоны, расширяющие торговые соглашения на экономической основе, добились заметного увеличения торговых взаимодействий, особенно для экспорта. Поэтому предполагается, что принципиальным моментом является «качество» заключенных торговых соглашений, от которого зависят эффекты от их реализации. Оценки указали на неявную дискриминацию стран, осуществляющих сдержанную политику по снижению взаимных барьеров с другими странами на основе торговых соглашений. В условиях малого внутреннего рынка страны АТР, реализующие подобного рода внешнеэкономическую политику для стимулирования торговли, могут рассчитывать только на эффект от глобализации, который имеет тенденцию к исчерпанию.



Рензин О.М. Дальний Восток России и Северо-Восточная Азия: новые перспективы и новые риски// Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 8–15.

<https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-8-15>

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47697670>

Современное развитие Дальневосточного региона России тесно связано с приоритетностью ускоренного решения этой задачи для национальной экономики и последовательной реализацией на этой основе программы интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион, экономического «продвижения на Восток». В 2013–2021 гг. значительное количество правительственных, отраслевых и региональных программ было посвящено реализации этих задач. Однако осуществляемые производственные, социальные, инфраструктурные и институциональные преобразования на Дальнем Востоке показали сложности перестройки в традиционных направлениях и необходимость инициирования новых решений. Одни из них определяются поддержкой принципиальных изменений в перспективных стратегиях мирового экономического процесса, активной структурной перестройкой экономик стран Северо-Восточной Азии, в т. ч. вводящих в качестве одного из императивов развития «углеродное регулирование». Вторые носят вынужденный адаптивный характер к изменяющимся условиям экономической деятельности в постпандемийном мире, стимулирующем развитие ряда сфер межгосударственного взаимодействия и ограничивающем развитие других. Третьи ориентированы на активное предложение Россией странам АТР новых возможностей партнерства за счет реализации высокозатратных инфраструктурных проектов, создающих импульсы для международного сотрудничества России (развитие железных дорог Восточного полигона и Северного морского пути). В настоящее время в каждом из перспективных направлений развития региональной экономики намечены ориентиры, позволяющие прогнозировать эффективные результаты их реализации. Однако одновременно эти проекты генерируют новые риски, способные препятствовать достижению поставленных целей. Их идентификацию и учет следует рассматривать как существенную составляющую среднесрочного прогнозирования.



Рензин О.М., Суслов Д.В. Модернизация стратегии экономического роста в Китайской Народной Республике и перспективы активизации межгосударственного партнерства с Российской Федерацией // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 8–15.

<https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-94-1-8-15>

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45747140>

В статье рассматриваются основные направления сдвигов в программах развития национальных экономик Китая и России, произошедшие в период глобального кризиса 2020–2021 гг. Оцениваются новые институциональные тенденции, определяющие направленность развития на среднесрочную перспективу, их влияние на потенциальные возможности для активизации перспективного взаимодействия стран. На основе анализа новой архитектуры макроэкономических институтов определяются сегменты для усиления стратегического партнерства России и Китая, а также возможные трудности и риски рассогласования в процессе реализации перспективных программ совместного развития, сопровождающие процессы внутренних институциональных реформ.



Суслов Д.В. Антикризисная политика в Японии во время пандемии COVID-19 // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 16–27.

<https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-16-27>

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47697671>

Приведены параметры и оценены меры антикризисной политики по элиминированию экономических шоков воздействия пандемии COVID-19 в Японии в период с января 2020 г. по июль 2021 г. Рассмотрены основные меры экономической политики правительства Японии для поддержки домохозяйств и компаний по время пандемии COVID-19. Выявлено, что экономическая политика реагирования на шоки пандемии COVID-19 со стороны правительства страны была своевременной и адекватной текущим кризисным явлениям. Подтверждено, что по сравнению с другими развитыми странами в 2020 г. Японии удалось эффективно использовать свою систему здравоохранения в борьбе с COVID-19 и уменьшить экономические потери в начальной стадии пандемии. Это было связано с правильным выбором как эпидемиологической стратегии, так и мер денежно-кредитной и структурной политики. Установлено, что пакет антикризисных мер оказался одним из крупнейших в мире по объемам, и что в ближайшие годы его реализация приведет к резкому увеличению бюджетного дефицита и государственного долга. Установлено, что своевременные меры фискальной политики в рамках дополнительных бюджетов и денежно-кредитной политики Банка Японии в целом привели к возвращению японской экономики ко второму кварталу 2021 г. на траекторию развития с положительными темпами роста (порядка 2% в год). При этом процесс восстановления японской экономики остается неустойчивым в связи с низкими темпами вакцинации населения и ограничениями, которые сдерживают активность частного сектора экономики.



Суслов Д.В. Антикризисная политика правительства и Банка Кореи во время пандемии COVID-19 // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 6. С. 101–115.

<http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.6.101>

Приведены параметры и оценены меры антикризисной политики по элиминированию экономических шоков воздействия пандемии COVID-19 в Японии в период с января 2020 г. по июль 2021 г. Рассмотрены основные меры экономической политики правительства Японии для поддержки домохозяйств и компаний по время пандемии COVID-19. Выявлено, что экономическая политика реагирования на шоки пандемии COVID-19 со стороны правительства страны была своевременной и адекватной текущим кризисным явлениям. Подтверждено, что по сравнению с другими развитыми странами в 2020 г. Японии удалось эффективно использовать свою систему здравоохранения в борьбе с COVID-19 и уменьшить экономические потери в начальной стадии пандемии. Это было связано с правильным выбором как эпидемиологической стратегии, так и мер денежно-кредитной и структурной политики. Установлено, что пакет антикризисных мер оказался одним из крупнейших в мире по объемам, и что в ближайшие годы его реализация приведет к резкому увеличению бюджетного дефицита и государственного долга. Установлено, что своевременные меры фискальной политики в рамках дополнительных бюджетов и денежно-кредитной политики Банка Японии в целом привели к возвращению японской экономики ко второму кварталу 2021 г. на траекторию развития с положительными темпами роста (порядка 2% в год). При этом процесс восстановления японской экономики остается неустойчивым в связи с низкими темпами вакцинации населения и ограничениями, которые сдерживают активность частного сектора экономики.



Суханов И.А. Влияние COVID-19 на экономику и внешнеэкономические связи Республики Корея // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 173–179.

<https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-173-179>

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47697685>

Пандемия COVID-19 оказала отрицательное влияние на мировую торговлю товарами и услугами и выявила слабые места существующих конструкций международного взаимодействия в рамках глобальных цепочек создания стоимости в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Соединенные Штаты Америки, Японию и Республику Корея. Зависимость этих экономик от Китайской Народной Республики отрицательно повлияла на производственные процессы крупнейших промышленных компаний. Для минимизации сложившихся рисков страны активно участвуют и развивают соглашения о свободной торговле, что помогает диверсифицировать географию участников глобальных цепочек создания добавленной стоимости и рынков сбыта. Правительство Республики Корея продемонстрировало способность эффективной борьбы с пандемией COVID-19, реализуя собственную стратегию превентивных мер и мер экономического стимулирования. Помимо этого были запущены две новые внешнеэкономические инициативы: Новая южная политика (New Southern Policy) и Новая северная политика (New Northern Policy), основой для развития которых могут стать существующие и новые соглашения о свободной торговле. Активное включение в глобальные цепочки создания добавленной стоимости и участие в соглашениях о свободной торговле позволило Республике Корея повысить свои конкурентные преимущества на мировом рынке и развить свой экономический потенциал. Диверсификация торговых партнеров в рамках соглашений о свободной торговле позитивно сказалась на экономических показателях страны в период пандемии и позволила минимизировать негативные последствия сбоев во внешней торговле. У Российской Федерации появляются возможности для встраивания в новые внешнеэкономические тренды Южной Кореи, а также формируются возможности увеличения объемов взаимной торговли между странами. Одним из путей достижения данной цели может стать подписание двустороннего соглашения о зоне свободной торговли между Республикой Корея и Евразийским экономическим союзом.



Суходолов А.П., Кузьмин Ю.В., Суходолов Я.А. Структура и динамика торгово-экономического сотрудничества в треугольнике Россия – Монголия – Китай // Московский экономический журнал. 2021. № 8. С. 246–262.

<https://doi.org/10.24411/2413-046X-2021-10505>

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46943127>

В настоящее время Россия проводит активную внешнюю политику в СевероВосточной Азии, куда перемещается центр мировой экономики. Китай становится крупнейшим промышленным и финансовым центром в данном регионе, а также за счет реализации глобальных экономических проектов усиливает свое влияние на вовлекаемые в них страны, в том числе Россию и Монголию. В связи с чем возникают угрозы национальным экономическим интересам России и Монголии. В статье представлен анализ динамики объемов и товарной структуры экспортно-импортных операций России с Китаем и Монголией за период 2018–2020 гг. Сделаны выводы о наиболее перспективных направлениях сотрудничества, ориентированных на активизацию внешнеторгового оборота и изменение товарной структуры внешней торговли между странами.



Demina Ya.V. Formats for Multilateral and Bilateral Economic Cooperation in Northeast Asia // Regional Research of Russia. 2021. Vol. 11. Pp. 244–253.

<https://doi.org/10.1134/S2079970521020040>

The review studies the formats of bilateral and multilateral economic cooperation between the countries of Northeast Asia (NEA). The subregion includes six states, accounting for 23.3% of the world's population, 25.7% of global GDP, and 22.1% of global merchandise exports. Despite significant potential, NEA countries do not have six-party agreements on trade, investment, customs, or migration cooperation, preferring projects with a wider range of participants. There are also no such agreements on a trilateral basis between the countries of the Big Three – China, Japan, and South Korea – which act as the 'locomotive' of NEA. These areas of cooperation are developing mainly on a bilateral basis. The overwhelming majority of agreements on free trade areas signed by the NEA countries fall on non-regional partners. At the same time, North Korea is characterized by a complete absence of agreements, Russia has no agreements with partners in the subregion, and Mongolia, South Korea, China, and Japan have one agreement within the NEA framework. The process of negotiating and implementing agreements (both multilateral and bilateral) is greatly complicated by periodic exacerbation of Chinese – Japanese and Korean – Japanese relations, as well as by North Korean nuclear weapons tests.



**Izotov D.A. Trade Barriers between Chinese Regions and Russia // Regional Research of Russia. 2021. Vol. 11. Pp. 230–243.
<https://doi.org/10.1134/S2079970521020052>**

Official Chinese statistics data were applied to analyze the dynamics and structure of trade interactions between regions of China and Russia; the border effect on export and import flows was estimated. The analysis showed that import flows from Russia to China are distinguished by a significantly greater uneven distribution between Chinese regions as compared to export ones. Assessment of the gravity dependences indicated that, compared with other countries, the border effect on exports from Chinese regions to Russia was characterized by rather high values, and the barriers hindering access of Russian products to the markets of Chinese regions were higher in ad valorem equivalent than for other foreign countries. Based on the estimates obtained, it was revealed that in recent years, the import of Russian products to Chinese regions has faced large barriers compared to export of products from Chinese regions to the Russian market. It has been determined that with the leveling of barriers, the advantages of access to the Russian market will further strengthen the coastal Chinese regions, and exports to Russia may become even more uneven between Chinese regions. It is shown that with a significant reduction in barriers, imports from Russia to Chinese regions can increase due to an increase in the supply of Russian products to almost all Chinese regions. The estimates give grounds to state that Russian suppliers need to diversify the supply of goods between Chinese regions in order to bypass intermediaries and develop new regional sales markets in China.



Izotov D.A., Tochkov K.I. The Spatial Dimension of Chinese Trade With Russia: Evidence From Regional Data // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2021. Vol. 227. Pp. 397–407.

https://doi.org/10.1007/978-981-16-0953-4_40

The present study estimates the magnitude of trade barriers between Chinese regions and their trading partners. The analysis shows that trade barriers between Russia and the Chinese regions are comparable with South American countries and Pakistan, but they are higher vis-à-vis Hong Kong, Taiwan, Kazakhstan and Southeast Asia. A common border with a foreign country leads to a significant increase in trade of Chinese regions. The results explain the unevenly distributed trade between Chinese regions and Russia. Other institutional factors-common language and colonial ties-contribute to an increase in bilateral trade and a reduction of trade barriers. Transport infrastructure, built during Tsarist / Soviet control over some parts of China in the nineteenth and twentieth centuries, contributes to the concentration of Sino-Russian trade interactions in these Chinese regions. The findings also indicate that due to globalization and the growth of the overall economies of scale, trade costs decline with increasing distances between the trading Chinese regions and foreign countries. This, to some extent, explains the obtained values of trade barriers for Russia.



Sukhodolov A.P., Davaasuren A., Kolesnikova A.V., Sukhodolov Ya.A.
International Legal Aspects of the Russian-Mongolian Cooperation in the
Field of Protection and Use of the Transboundary Waters of the Selenga
River Basin // Юридическая наука. 2021. № 9. С. 65–70.

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46709591>

International practice demonstrates that the issues of economic use and management of transboundary water bodies and their catchments can cause disagreement between countries. This also relates to the catchment area of the planet's largest fresh water Lake Baikal, which partly belongs to the Russian Federation (45 percent) and partly to Mongolia (55 percent). With regard to this, the protection and preservation of Lake Baikal, as a UNESCO World Heritage site, is of importance to both Russia and Mongolia. These issues have become particularly relevant in the context of Mongolia's intentions to build on the Selenga river (the main tributary of Lake Baikal) and its large tributaries a cascade of hydroelectric power stations to cover the shortage of electricity. This article analyzes the current international legal mechanism of cooperation between Russia and Mongolia in the field of rational nature resources use and transboundary waters protection. The article considers examples of transboundary water cooperation of a number of countries and examples of projects implemented in the basins of transboundary rivers, it also presents ideas on a well-balanced socioeconomic development of the catchment of the Selenga river and a coordinated socioeconomic, environmental and legal policy of Russia and Mongolia in the field of nature resources use and protection of the catchment area of Lake Baikal.